

СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С 2008 ПО 2011 ГОД: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

С. В. Жигжитов

В данной статье представлено краткое описание синтетической модели состоятельности государств Центральной Азии. Подобная модель может стать комплексным инструментом описания и объяснения процессов, связанных с оценкой состоятельности государства на международной арене. С практической точки зрения данная модель могла бы быть полезна для принятия стратегических государственных решений в сфере институционального строительства. В статье также описаны факторы, негативно влияющие на состоятельность на уровне неформальных институтов. Один из значимых выводов статьи заключается в том, что для преодоления негативного влияния данных факторов необходима глубокая институционализация режимов в ЦА, которая бы заключалась в точном определении «правил игры» на законодательном уровне для всех акторов, с одной стороны, и в снижении роли неформальных институтов (особенно кланов) на принятие политических и экономических решений на государственном уровне – с другой.

Государства Центральной Азии (ЦА) для анализа были выбраны не случайно. Регион представляет исследовательский интерес, так как эти страны прошли сложный период режимных изменений после распада СССР и имеют уникальный опыт институционального строительства в условиях транзита. Несмотря на общее советское прошлое, развитие стран ЦА было разновекторным как с точки зрения институционального дизайна, так и с точки зрения экономической политики и интеграции в международную систему

(см., например: Акаева и др. 2013). После распада СССР состоятельность стран ЦА пережила глубокую трансформацию: на фоне международной турбулентности и столкновения с большим количеством внутренних и внешних вызовов центральноазиатским государствам удалось относительно безболезненно адаптироваться к новым «правилам игры», консолидировать властные ресурсы и обеспечить стабильность режимов. Динамика состоятельности в данных странах разная: интерес представляет анализ состоятельности стран ЦА в институциональном срезе, особое внимание будет уделено роли неформальных институтов.

С точки зрения концептуализации состоятельности как за рубежом, так и в России проделана большая работа: существует большое количество теоретических наработок, а также эмпирических исследований состоятельности. В данной статье мы не ставим целью описать спектр работ и концепций различных авторов, лишь перечислим наиболее интересные для данной статьи подходы, не вдаваясь в содержательную интерпретацию. Актуальными направлениями в изучении состоятельности являются:

1) исследования баланса между «сильным» или «слабым» государством и гражданским обществом (ключевые исследуемые термины: *децентрализованная состоятельность* – *decentralized state-ness*, *безгосударственное общество* – *stateless society*, *государственная автономия* – *state autonomy*);

2) исследования различных форм несостоятельных государств (*несостоявшееся государство* – *failed state*, *квазигосударство* – *quasi-state*, *слабое государство* – *weak state*, *дефектное государство* – *defected state*, *распавшееся государство* – *collapsed state*);

3) исследования в сфере функциональных возможностей государства (*государственность и статусность* – *statehood*, *состоятельность* – *stateness*);

4) исследования взаимосвязи между состоятельностью и демократизацией;

5) исследования, в которых операционализируются состоятельность и другие смежные термины (*государственный потенциал* – *state potential*, *сила государства* – *state power*, *конкурентоспособность государства* – *state competitiveness*, *дееспособность государства* – *state capability* и др.).

В широком смысле *состоятельность* – это способность государства формулировать и внедрять стратегии для достижения экономических, политических и социальных целей в обществе. То есть от того, насколько государство способно выработать программу действий для достижения социально-экономических целей и реализовывать ее, зависит состоятельность государства (Kjær *et al.* 2002: 7). В более узком смысле можно выделить три компонента состоятельности: техническая, административная и политическая¹.

При операционализации термина *государственная состоятельность* можно выделить две группы параметров: функции государственных институтов, ориентированные на население, а также функции, ориентированные «на себя» (*status-introrsus*). Первая группа связана с ориентацией государственных институтов на выполнение своих функций для населения, то есть их способностью предоставлять населению общественные блага. Вторая группа параметров связана с ориентацией институтов «на себя» или с поддержкой государственной власти в рамках определенной территории, то есть на поддержку внутреннего и внешнего суверенитета. Таким образом, по способности институтов обеспечивать общественные блага населению, а также поддерживать внутренний и внешний суверенитет можно оценить уровень состоятельности. Другими словами, это означает, что государственные институты нацелены на поддержку монополии на легитимное насилие на определенной территории, а также на взаимодействие с другими государствами на основе равноправия. Для разграничения данных групп параметров в дальнейшем каждая из них будет обозначена лаконичным названием. Первая группа параметров будет условно называться «институциональные параметры», так как они связаны непосредственно с основной функцией государственных институтов – предоставлять общественные блага. Параметры «государства-

---

¹ *Техническая состоятельность* – способность формулировать макроэкономическими и политическими курсами и управлять ими; *административная состоятельность* – способность эффективно выполнять административные функции, которые необходимы для экономического развития и социального благосостояния; *политическая состоятельность* – способность к построению эффективных и легитимных каналов для удовлетворения требований запросов общества, представительства и разрешения конфликтов. Подробнее см.: Grindle 1996: 8.

для-себя» (*внутреннего и внешнего суверенитета*) не связаны напрямую с институтами, поэтому условное название этого блока – «неинституциональные параметры» состоятельности².

На основе анализа различных форм несостоятельных государств и синтеза подходов Д. Познера, Р. Джексона, Р. Ротберга нами были выделены следующие параметры, которые можно отнести к функциям *status-introrsus*: контроль территории; легитимность органов власти среди населения; наличие конфликтов (на этнической, политической и/или религиозной почве); внешнее влияние или международный контекст; релевантность для проживающих на территории государства гражданства; лояльность населения к государственным институтам. Контроль территории, в свою очередь, распадается на два показателя: наличие нерешенных территориальных споров с другими государствами, вероятность сецессии. Наличие конфликтов мы операционализируем через такие показатели, как «вероятность гражданской войны», «наличие террористической угрозы». Внешнее влияние или международный контекст мы операционализируем через такие показатели, как наличие внешней угрозы со стороны другого государства; наличие иностранных баз на территории государства. Таким образом, данный блок параметров состоятельности связан с правом государственных институтов на легитимное насилие или с поддержкой внутреннего и внешнего суверенитета. С точки зрения оценки лояльности граждан к государственным институтам мы используем подход Хиршмана³.

² Например, такие показатели состоятельности, как «наличие внешней угрозы со стороны другого государства», «лояльность населения к государству», «релевантность гражданства для населения», не связаны напрямую с деятельностью государственных институтов, тем не менее институты косвенным образом могут повлиять на уровень *status-introrsus*.

³ В государстве у каждого гражданина есть выбор между тремя стратегиями поведения: уход, протест и лояльность. Политическим элитам выгодно поддерживать лояльность, но если положение для граждан ухудшается, они могут выбирать между тем, чтобы уйти (уехать, не голосовать и пр.), и тем, чтобы вслух выразить свою позицию, чтобы повлиять на процесс (подробнее см.: Hirschman 1970). По мнению А. Хиршмана, государственное строительство – это процесс консолидации центров и границ (политических, юридических, культурных, экономических и др.). Наличие множества центров и интенсивное взаимодействие с внешними центрами осложняет процесс государственного строительства. Измерителем лояльности может также выступать индекс этнической фрагментации Херфиндаля или экспертные опросы. Данный индекс не напрямую отражает наличие и долю этнических меньшинств, способных представлять интересы внешних центров. Таким образом, высокий уровень фрагментации может негативно повлиять на состоятельность. См.: Пуин *et al.* 2012: 10.

Эмпирическая база для параметров, связанных с предоставлением общественных благ, и для параметров, ориентированных на поддержку суверенитета, была взята из индекса Всемирного банка, данных Европейского банка реконструкции и Development and the Economy Watch Portal, индекса недееспособности государств (*Index of Failed States*) «Фонда мира» (*The Fund for Peace*), индекса конкурентоспособности (*Global Competitiveness Index*) Всемирного экономического форума. Кроме того, использовался блок переменных, полученных с помощью экспертных оценок: это больше касается параметров *status-introrsus*. По показателям, связанным с обеспечением населения общественными благами, мы в основном берем статистику по странам ЦА из вышеперечисленных источников.

Влияние неформальных институтов на состоятельность государств Центральной Азии

Перед тем как операционализировать две группы параметров, необходимо оценить состоятельность государств ЦА в настоящее время, а также роль неформальных институтов в процессе государственного строительства. Без подробного анализа влияния неформальных институтов на состоятельность возникает риск получить искаженную картину политических, экономических и социальных процессов, имеющих место в центральноазиатских странах. Ключевой задачей в рамках данной части статьи является описание влияния неформальных институтов на состоятельность данных стран.

На процесс государственного строительства в странах ЦА сильное воздействие оказывают неформальные институты. Президенты и главы формальных государственных институтов в ЦА управляют с расширенным использованием неформальной власти⁴. Фактически неформальный уровень политики играет огромную роль во внутренних процессах в государстве: это проявляется и в том, что личная лояльность во властной элите ценится больше лояльности персонифицированному закону. Другими словами, лояльность

---

⁴ По мнению Т. Фрая, сильная президентская власть – это важнейший индикатор автократии. Подробнее см.: Frye 1997; Roland 2006; Burnell 2006. А. Гаврич, И. Мельняковска и Р. Швейкерт называют государства Центральной Азии после распада СССР президентскими автократиями. Подробнее см.: Gawrich *et al.* 2010: 2.

человеку ценится больше, чем лояльность институту (Weber, Winckelmann 1980: 21).

Одной из серьезных проблем для состоятельности стран ЦА на неформальном уровне является клановая политика. Она приводит к неэффективному распределению ресурсов и общественных благ: основные ресурсы группируются вокруг узкого круга людей, приближенных к власти. Кроме того, клановость ослабляет легитимность государственных институтов в глазах общества, так как «правила игры» для всех разные⁵. Динамика отношений между формальными и неформальными институтами в Центральной Азии – это динамика, ведущая к появлению неформальных паттернов в политике – гегемонии кланов. Коллинз справедливо отмечает, что среди неформальных институтов в Центральной Азии наиболее серьезное воздействие на формальные институты оказывают кланы, поэтому в рамках данной статьи основной фокус сделан на влиянии кланов на состоятельность государств ЦА на современном этапе. Кроме того, в статье отдельное внимание уделяется влиянию кланов на республиканскую власть в советский период.

В данной статье под термином *клан* понимается неформальная организация, включающая в себя совокупность людей, связанных друг с другом общей идентичностью родства или «фиктивного родства» (Shryock 1997: 40–41). Родственные связи базируются на расширенной семейной организации, характерной для обществ в данном регионе и в племенных обществах. «Фиктивная родственная идентификация» шире родственных связей и включает в себя инкорпорацию индивида в сети посредством брака⁶, семейных альянсов, школьных связей, местных связей (*землячество*), сосед-

⁵ Некоторые авторы используют термин *кlientелизм*, чтобы описать общественные и политические процессы в странах ЦА. Например, М. Аткинс считает, что клиентелизм – сети, основанные на взаимоотношениях «патрон – клиент» и связанные с расширенной семейной организацией. Б. Румер и О. Рой используют термины *клан*, *патронаж* и *расширенная семья* как взаимозаменяемые. Однако сведение кланов к клиентелизму было бы ошибочным решением, так как клиентелизм скорее описывает отношения, связанные с политическим или экономическим неравенством. Это инструмент политической поддержки для получения общественных благ. Клиентелизм отсутствует там, где нет экономических отношений между акторами. Клиентелизм – это стратегический ответ на неспособность государства и рынка к регулированию. См., например: Collins 2006.

⁶ Свадьба – один из механизмов расширения экономической и политической мощи клана. Как и родство, свадьбу можно отнести к категории «сильные связи», тогда как брак и клиентелизм – к «слабым связям». Свадьба помогает «расширить границы» клана. Подробнее см.: Gibson 2001: 53.

ства (*махалля*), деревень (*кишлаки*). Фиктивное родство построено на субъективном восприятии общей родственной идентичности и опоре на определенные нормы – внутригрупповая взаимосвязь и лояльность, – чтобы объединить группу и защитить ее членов (Collins 2006: 16).

В советское время со стороны властных органов предпринимались попытки ослабить влияние традиционных неформальных институтов, однако этого не удалось добиться. Неформальные институты сумели адаптироваться к советской системе и выжить. После распада СССР наблюдался ренессанс традиционных институтов: получился своеобразный сплав формальных бюрократических институтов, доставшихся в наследство от Советского Союза, и неформальных институтов. Гиперконцентрация власти в руках президентов и патернализм в политической культуре стран ЦА в целом привели к тому, что основной центр принятия решения был сосредоточен в руках лидеров Центральной Азии. Однако многие из них не могли проводить политику без оглядки на интересы кланов, так как кланы влияют не только на циркуляцию общественных благ, но и на формирование политической и экономической элиты в стране. Таким образом, фокус на анализе влияния кланов на состоятельность центральноазиатских государств является оправданным. Такие неформальные институты, как махалля, аксакалы, кишлаки, также влияют на состоятельность, однако они, в отличие от кланов, не играют проактивной роли в политическом процессе в Центральной Азии, поэтому говорить о сильном влиянии не приходится. Стоит отметить, что центральноазиатские кланы в постсоветский период не такие традиционные, как кланы в постколониальной Африке или на Ближнем Востоке, во многом благодаря советскому и постсоветскому развитию. Советский Союз повлиял на сети неформальных институтов в Центральной Азии, сделав их более гомогенными. Динамику отношений между государством и обществом в странах ЦА можно условно назвать «современностью традиций». Неформальные клановые сетевые структуры до сих пор преобладают в обществе, играют значительную роль в политической и экономической сферах, но их роль и форма изменились, и они не всегда позитивно влияют на политическое развитие (*Ibid.*: 53).

При анализе кланов важно разделять центральноазиатские этносы на кочевников (туркмены, казахи, киргизы) и земледельцев (таджики, узбеки). Тем не менее подобное деление является условным. Например, многие таджикские племена до сих пор ведут кочевой или полукочевой образ жизни, особенно в горных районах. Предки современных узбеков пришли из тюркских кочевых племен, на прилегающих территориях Самарканда, Бухары, Хивы и в Ферганской долине постоянно проживали кочевые племена. Таким образом, можно сделать вывод, что кочевая и земледельческая культуры тесно переплетены в Центральной Азии, и нельзя построить между ними «стену», поэтому деление на кочевых (казахов, киргизов и туркменов) и земледельцев (таджиков и узбеков) является упрощением сложных межэтнических и межкультурных отношений в ЦА. Наличие или отсутствие клановой политики не зависит от того, к какой культуре относится этнос.

Элитам нужна поддержка клановых сетей, чтобы сохранить социальный порядок, защитить свою группу, обезопасить получаемые доходы в рамках политической и экономической системы. Неэлитам кланы нужны, чтобы улучшить свое социальное и экономическое положение (например, помощь с поиском работы, получением образования и займов). Представители элиты кланов могут разрешать конфликты, являются значимым субъектом экономических отношений в государстве, а также обеспечивают безопасность своих кланов. Внутри клана члены могут следить друг за другом: если поведение одного из представителей клана является отклоняющимся от его норм, то против нарушителя используют неформальные инструменты воздействия (например, пристыжение или групповое давление), чтобы поддерживать лояльность внутри клана. Элиты и неэлиты получают разный уровень привилегий от аффилированности с кланом. Тем не менее обе группы заинтересованы в поддержании такого неформального института. Даже если представитель неэлиты решит выйти из своей клановой сети, ему будет трудно выжить вне клана, а также присоединиться к другому клану.

При анализе влияния кланов на состоятельность стран ЦА в статье учитываются положения нового институционализма, фокусируемого на двух организационных механизмах поведения: рынок и бюрократия. Согласно данному подходу, при анализе кланов не-

обходимо учитывать, что агенты экономических отношений на рынке могут обманывать друг друга, повышая тем самым транзакционные издержки. Поэтому задача бюрократических структур в рамках фирм и государств – институционализировать долгосрочные отношения между акторами, снизив при этом недоверие посредством мониторинга соблюдения «правил игры» и наказания нарушителей. Эти механизмы, по мнению О. Вильямсона, работают в развивающихся странах, но если такие организации в государстве отсутствуют или их создание слишком затратно, то «регулирующий вакуум» заполняют другие игроки, такие как кланы (Williamson 1998a: 23–58).

Кланы представляют другую модель транзакционных отношений. При клановой организации у индивидов общая цель и общая идентичность. Высокий уровень конгруэнтности обеспечивается за счет обеспечения доверия, социализации, социально-экономической зависимости внутри клана. Внутренние механизмы клана помогают сократить различия между организационными и индивидуальными целями. О. Вильямсон считает, что когда данные цели совпадают, оппортунизм и ориентированность на извлечение ренты менее вероятны (*Idem* 1998b: 23–58). Тем не менее на общегосударственном уровне таких целей достичь трудно, если кланы определяют повестку (*agenda*) при распределении ресурсов.

Один из главных тезисов данной статьи заключается в том, что кланы оказывают негативное влияние на состоятельность большинства стран Центральной Азии. При этом важно отметить, что довольно трудно описывать и интерпретировать влияние кланов на состоятельность всех стран ЦА: в каких-то странах роль кланов высока (Кыргызстан), в каких-то она минимальна (Казахстан). Таким образом, общий вывод о негативном влиянии кланов на состоятельность должен быть конкретизирован для каждой страны.

Как уже отмечалось выше, одним из значимых элементов состоятельности является уровень самоидентификации граждан с государством и лояльность к нему (Elkins, Sides 2008: 2). Если идентификация и лояльность низкие, то состоятельность в таком государстве вероятнее всего на низком уровне. При этом, конечно, важно учитывать другие показатели состоятельности. Если уровень

самоидентификации граждан связан не с государством, а с кланом, то это является фактором, ослабляющим состоятельность. Другим срезом является лояльность: если лояльность к органам власти у населения низкая, но при этом лояльность к клану на высоком уровне, это также ослабляет состоятельность. Частным проявлением этого является клановый регионализм (например, в Киргизии это северный и южный кланы).

Другим срезом является легитимность: если нормы клана легитимнее государственных, то во взаимоотношениях между людьми из разных кланов возникают высокие транзакционные издержки из-за недоверия. Это объясняется тем, что в условиях, когда общий арбитраж слаб, правонарушение человека, состоящего в клане или не состоящего в нем, рассматриваются по-разному. Если человек состоит в клане и совершил правонарушение вне неформального института, то клан вынужден помогать своему члену. Это может привести к еще большей девальвации государственного арбитража, а как следствие – ослабить состоятельность.

Кланы ведут к несправедливому распределению общественных благ. Если представитель какого-то клана занимает высокое место в государстве, то приоритетным направлением для обеспечения населения общественными благами будет свой клан, а затем уже другие. Это приводит к неравномерной циркуляции общественных благ среди населения и к отчуждению со стороны других кланов. Во избежание конфликтов в подобных ситуациях элиты кланов в Центральной Азии используют такой механизм, как передача вторых и третьих по значимости должностей другим кланам, чтобы легитимизировать свою власть, например, президент А. Акаев (северный клан) при премьер-министре К. Бакиеве (южный клан) в Кыргызстане. Однако попытки уравновесить ситуацию путем раздачи ключевых постов оппонентам не всегда обеспечивают стабильность в государстве (свержение режима Акаева подтверждает этот тезис).

Клановая политика в ЦА состоит из комбинации четырех аспектов: досоветские неформальные институты; старые сети советского времени; новые (бизнес-) сети; сети, образованные на базе приближенных к президенту групп, включая семью⁷. С точки зрения ана-

⁷ По мнению Р. Д. Кангаса, есть две логики распределения власти: отношения «затраты – выгоды» с различными кланами и группами ведут к стабильности власти; внутри своего соб-

лиза неформальных институтов большой интерес для исследователей представляет Казахстан, так как это – экономически самый сильный регион в Центральной Азии. А. Гаврич, И. Мельняковска и Р. Швейкерт считают, что в Казахстане важную роль играют олигархические группы, ориентированные на извлечение ренты, при монополии на власть со стороны президентской семьи и близких друзей. По их мнению, в Казахстане управление находится еще на низком уровне ввиду коррупции и клановости в государственных институтах; тем не менее с точки зрения стабильности режима Казахстан опережает своих центральноазиатских соседей⁸. Данные авторы переоценили влияние кланов в Казахстане. Если в 90-х гг. XX в. при распределении ресурсов клановая составляющая имела место, то в годы экономического бума в 2000-х гг. роль кланов начала уменьшаться⁹. Частично это проявляется в практике назначения акимов: в Казахстане в качестве глав исполнительной власти в регионы назначают «варягов» из других регионов, которые приводят с собой свою команду. Целью данной политики стало стремление избежать конфликтов между различными кланами в борьбе за власть в регионе. Другим аргументом является тот факт, что, хотя Назарбаев и является представителем одного из родов Старшего жуза (*шапраты*), знаковыми фигурами в окружении президента являются представители других родов (например, управляющий делами президента Сарыбай Калмурзаев, глава администрации президента Аслан Мусин, министр иностранных дел Канат Саудабаев, премьер-министр Карим Масимов и зять президента Тимур Кулибаев). Формирование элит в Казахстане основано не на клановом принципе. А. Франк считает, что казахский тип клиентелизма

ственного семьи-клана отношения «затраты – выгоды» являются символом нестабильности. Лояльность власти – ключевая характеристика фильтрации и формирования политической элиты в государствах ЦА. Подробнее см.: Kangas 2002.

⁸ Модель управления в Казахстане сместилась от султанистской формы в сторону олигархического неопатримониализма. В 1990-е гг. президент консолидировал власть и заложил основы для существующей модели управления государством. На данный момент Казахстан по ряду характеристик скорее близок к олигархическому неопатримониализму с сильной патерналистской властью в лице президента. В период правления Н. Назарбаева увеличился уровень конкуренции в экономической сфере, хотя это и сопровождалось сильным клиентелизмом, высоким уровнем коррупции и управления с помощью неформальных правил, при низкой гражданской вовлеченности в политику. Подробнее см.: Gawtich *et al.* 2010: 20.

⁹ В Казахстане клановая политика проистекает из жузового деления (Младший, Старший и Средний жузы, каждый из которых состоит из множества родов).

отчасти построен на основе ближайшего круга президента Н. Назарбаева. Они делятся на две группы: либо это люди из его родного региона, либо это его друзья еще с коммунистических времен (Franke 2009: 109–140). Данный список стоит дополнить такими каналами, как крупный бизнес и родственные связи. Таким образом, можно сделать вывод, что хотя в Казахстане клановая политика никуда не исчезла, она находится в жестких рамках, особенно в крупных городах.

В Кыргызстане, в отличие от Казахстана, кланы сильны и играют ведущую роль в политической и экономической сферах государства. В Кыргызстане властные ресурсы делятся в соответствии с влиянием различных кланов¹⁰. До объединения с Советским Союзом кланы были обычной формой социальной и политической организации в Центральной Азии. В досоветском обществе, состоявшем из разрозненных кочевых групп, на территории Кыргызстана не было нации-государства в современном его понимании: кыргызское государство начало приобретать свою современную форму только в советскую эпоху. Кыргызское сообщество состояло из трех крупных клановых конфедераций *крыльев* (*Ак уул* – правое крыло, *Куу уул* – левое крыло, *Ичкилик*). Каждое из крыльев включает в себя несколько крупных кланов. Несмотря на борьбу с кланами в советский период, кланы продолжили играть одну из главных ролей в политическом процессе в современном Кыргызстане. Распад Советского Союза привел к усилению кланов, в Таджикистане это вылилось в гражданскую войну. Учитывая опыт Таджикистана, президент Кыргызстана Аскар Акаев стал заигрывать с кланами и стремился стабилизировать власть за счет перераспределения министерских портфелей и должностей между крупными кланами. Однако этого оказалось недостаточно: сильный клиентелизм, коррупция, неэффективность органов власти стали в конечном итоге причинами «тюльпановой революции». Фактически смена режима Акаева режимом Бакиева представляла собой смену кланов и перераспределение ресурсов¹¹. Высокая интенсивность

¹⁰ Наиболее крупными кланами являются: нарынские, иссык-кульские, чуйские, джалалабадские, алайские, ошские, баткенские, таласские.

¹¹ К. Бакиева обвиняли в приверженности той же модели распределения власти. Его сын Максим контролировал важнейшие компании, его второй сын, Марат, был официально включен в правительственные структуры. Подробнее см.: Heinemann-Grüder, Haberstock 2007.

межклановых противостояний, по мнению ряда киргизских исследователей, усугубляет экономическое положение Кыргызстана и является сдерживающим фактором для политической стабильности в стране, представляет главную угрозу ее территориальной целостности и суверенитету¹².

В Узбекистане одним из ключевых акторов, определяющих повестку дня в политической и экономической сферах, являются кланы¹³. И. Каримов постоянно пытается найти баланс между несколькими важными кланами в стране. По мнению Р. Д. Кангаса, управление межрегиональной борьбой – перманентный вызов его стремлению консолидировать власть (Kangas 2002: 130–149). Хотя в своей политической риторике Каримов называет кланы национальной угрозой, де-факто он ориентируется на поддержку ключевых кланов и при реализации политического курса всегда учитывает баланс интересов. М. С. Спечлер отмечает, что Каримов пытается сбалансировать интересы важных региональных кланов в стране, смещая на регулярной основе губернаторов (Spechler 2006: 185–202). Кланов в Узбекистане отличаются от кланов в других центральноазиатских странах, особенно от кочевых этносов. По мнению А. Таксанова, у государств с кочевой культурой сохранились родоплеменные отношения и соответствующие связи с другими племенами, органами власти по так называемой «вертикали». Вертикаль заключается в иерархии кланов (крупные имеют больше влияния по сравнению с мелкими). В Узбекистане в основе формирования кланов лежит территориальный фактор (по горизонтали), поскольку местное население вело оседлый образ жизни. В связи с этим землячество как форма фиктивного родства стало преобладающим паттерном среди неформальных институтов.

Как и в других странах ЦА, в Узбекистане советская власть боролась с любыми проявлениями клановой политики, однако результат был везде один и тот же: кланы выжили и приспособились к изме-

¹² Лояльность к «своему» племени присуща киргизскому народу на протяжении столетий. Племя (*уруу*) и род (*урук*) всегда были главным объединительным началом в киргизской истории. Подробнее см.: Рахымбай 2005.

¹³ Основной характеристикой узбекской системы является гиперконцентрация административной системы, подконтрольной президенту, избирательное принятие элементов рыночной экономики и административных элементов. Это соединение монополии власти с элементами рыночной экономики. Подобная патронажная система не пытается обеспечить властную систему каналами для артикуляции интересов снизу (на «клиентском» уровне). Подробнее см.: Pkhamov 2007: 78.

нящейся среде. Клань стремились добывать материальные блага и укреплять социальный статус благодаря плановой схеме распределения в советский период. Представители кланов, находившиеся на значимых государственных постах в республиках Центральной Азии, стремились направлять финансовые и материальные потоки в свои регионы, обеспечивая необходимый жизненный уровень своего клана. Советская власть частично закрывала глаза на нарушения, но взамен требовала лояльности¹⁴. После развала СССР и прихода к власти Ислам Каримов, не имевший поддержки среди кланов, взял курс на укрепление президентской власти. Это привело к относительной стабильности режима: удалось установить стратегический баланс между президентской властью и кланами. Одним из инструментов в борьбе с кланами и клановой коррупцией стала смена глав региональных администраций (*хокимов*). В 1998 г. от своих должностей были отстранены 11 хокимов областей и городов. Тем не менее данный инструмент оказался малоэффективным, так как кланы «вытесняют» инородцев из своего региона или делают их лояльными к клану. Несмотря на укрепление президентской власти, Каримов имеет ограниченное влияние на клановую политику. В Узбекистане фактически можно наблюдать статус-кво: лидеров кланов устраивает такая ситуация. Однако прогнозировать, как долго продлится стратегический баланс между президентом и кланами, достаточно сложно, поэтому говорить о стабильности режима в данной стране можно с определенными оговорками.

В Таджикистане в начале 1990-х ослабление советского режима привело к трагическим последствиям – гражданской войне¹⁵. Во

¹⁴ В середине 80-х гг. кланам был нанесен серьезный удар. Началась партийно-административная чистка, которая закончилась громким так называемым «узбекским делом». Репрессиям подверглись представители многих кланов, тем самым Москва обезглавила самые могущественные региональные группировки. В этих условиях на политическую арену пришел человек, который не имел никакой поддержки в кланах и не представлял ни один из них – Ислам Каримов, партийный функционер. Он стал лидером ЦК Компартии Узбекистана, хотя ранее этот пост предоставлялся исключительно представителю клана. В тот момент кланы, боясь новых репрессий, не посмели организовать «сопротивление», как это было сделано, к примеру, в Казахстане жузами, когда на «смену» казаху Д. Кунаеву пришел русский Г. Колбин. То есть негласный «договор» между Москвой и среднеазиатскими кланами был нарушен. Подробнее см.: Таксанов 2002.

¹⁵ Ходжентский этнорегиональный клан с начала 60-х гг. постепенно сдавал свои позиции во всех государственных структурах власти в горных регионах республики. В 70-е гг. во всех

второй половине XX в. в советский период все лидеры республиканского отделения КПСС были уроженцами Худжанда (Ленинабада), их союзниками были представители кулябского клана. Во избежание межклановых конфликтов они делились властью с кланами из других регионов республики. Статус-кво был нарушен в 1992 г., когда кланы из восточной части Таджикистана (бадахшанцы, гармцы) попытались сместить представителей Ленинабадской и Кулябской областей¹⁶. Противостояние между бывшей коммунистической элитой и национально-демократическими и исламскими силами сопровождалось межклановым конфликтом. Значимую роль в конфликте играл религиозный фактор: в оппозиции большое влияние имели исламские фундаменталисты из Партии исламского возрождения Таджикистана и других организаций (Исламское движение Узбекистана, Исламское общество Афганистана). Гражданская война закончилась в 1997 г., когда было достигнуто перемирие между конфликтующими сторонами. Ключевые позиции во власти были заняты представителями кулябского клана (например, президент Таджикистана Эмомали Рахмонов)¹⁷. Однако

регионах республики, за исключением Ленинабадской области и города Душанбе, шла скрытая борьба местной региональной элитой за выдавливание из властных структур представителей ходжентского этнорегионального клана. В начале 80-х гг. по всей республике прошли демонстративные акции проверок и чисток партийных кадров под руководством идеологического аппарата коммунистической партии республики. В ходе этой внутрипартийной борьбы представителям ходжентской этнорегиональной группы удалось вновь поставить свои кадры во всех структурах государственной власти по всей республике. В годы перестройки политическая ситуация изменилась коренным образом в пользу местных региональных элит. К моменту распада Советского Союза ходжентский этнорегиональный клан удерживал власть лишь в центральных органах власти республики, в городе Душанбе и в самой Ленинабадской области. Подробнее см.: Бобохонов 2010.

¹⁶ Религиозный фактор был принесен позднее – нужно было объединить людей для борьбы с коммунизмом, и ислам стал консолидирующим звеном для кланов. В действительности шла борьба за ограниченные ресурсы республики. Институт вторых секретарей был нарушен, связи с Москвой – ослаблены, влияние прежних государственных структур также было слабым. Таджикистан был страной, где территориальные родоплеменные отношения (также как и в Узбекистане) имели большое значение. Каждый клан стал стремиться перетянуть на себя финансовые и материальные потоки. Между ними возник конфликт (горнобадахшанцами, кулябцами, памирцами, ленинабадцами, душанбинцами и прочими кланами по земляческой форме), который перерос в гражданскую войну. Подробнее см.: Таксанов 2002.

¹⁷ Так же как и Акаев, президент Э. Рахмонов не занимал руководящие позиции в коммунистической партии. Тем не менее ему удалось стать спикером таджикского Верховного совета сразу после обретения независимости. После получения должности президента семья и приближенные Рахмонова (кулябский клан) были вовлечены в управление важнейшими компаниями в Таджикистане. Подробнее см.: Atkin 2002.

оппозиция не осталась обделенной: лидерам оппозиции предложили занять значимые места в государственных структурах. Таким образом, удалось найти баланс между конфликтующими сторонами. На стиль управления Э. Рахмонова очень сильно повлияли последствия гражданской войны. После мирного договора в 1997 г. его легитимность основывалась скорее на национальном доверии и на ближнем круге, нежели на региональных кланах. В основе его патронажной сети – чиновники из его родного региона (Foroughi 2009: 533–551).

В советское время руководителями Туркменской республики были туркмены, а должность второго секретаря занимали назначенцы из Москвы. Смена лидера фактически означала смену управленческого аппарата, поскольку глава республики опирался всегда на представителей своего племени. Трайбализм в республике свое наиболее яркое выражение получил в соперничестве кланов Ахальского оазиса с кланами других регионов (марыйская, кизиларватская, балканская и ташаузская группировки). При Сапармурате Ниязове (*Туркменбаши*) господство текинцев носило очевидный характер, а исход скрытой борьбы за влияние региональных родоплеменных групп полностью зависел от самого президента¹⁸. После кадровых чисток при Ниязове кланы потеряли своих лидеров во властных органах: только у двух кланов остались серьезные представители – текинцы и чарджоузцы (эрсарынцы)¹⁹. В отношении лидеров оппозиционных кланов применялись репрессивные методы: некоторые из них оказались в тюрьме, другим пришлось покинуть страну. Таким образом, в результате сложившегося положения чарджоузская и ахалтекинская группировки оказались союзниками (Николаев 2006). Не исключено, что в дальнейшем данные

---

¹⁸ В Туркменистане С. Ниязов был известен своим стилем управления, который исследователи нередко называли «султанским режимом». Его стиль правления в основном был ориентирован на подавление оппозиции и на пропаганду. Он управлял, активно используя свои президентские права, особенно через механизм принятия президентских указов. Управление страной было персонифицированным, использовалась стратегия «разделяй и властвуй» во взаимодействии с представителями верховной власти и с силовиками. Этот произвол делал внутреннюю и внешнюю политику непредсказуемой и приводил к еще большей коррупции. См., например: Cummings 2002.

¹⁹ Нынешний исполняющий обязанности президента Гурбангулы Бердымухамедов также относится к текинцам. При нем практически три четверти всех чиновников (9/10 представителей силовых структур) – текинцы. Именно принадлежность к ахалтекинскому племени чаще всего является основанием для получения значимой должности.

кланы для усиления легитимности режима привлекут к управлению страной представителей других кланов.

Кланы – сложный социальный актор, включающий в себя сильные рациональные и нормативные элементы, которые усиливают друг друга. С развитием государства они адаптируются под изменяющиеся условия. Клановые сохранились, используя клиентелизм и патронаж как стратегии для развития и выживания. Клановая идентичность в Центральной Азии продолжает быть одной из сильнейших форм идентичности для граждан, поскольку кланы предоставляют людям культурные ценности и содержат в себе идею фиктивного родства. Клановые сохранились после Советского Союза во многом благодаря следующим причинам: поздняя государственная трансформация (современным государствам ЦА чуть больше 20 лет); позднее формирование национальной идентичности; отсутствие рыночной экономики до обретения независимости (Collins 2006). В Казахстане по сравнению с другими центрально-азиатскими государствами клановая идентичность и политика в наименьшей степени подрывают состоятельность, так как Казахстану удалось провести серьезные экономические реформы, обеспечившие экономический бум последнего десятилетия. Там, где государство неспособно эффективно обеспечить население общественными благами, кланы занимают данный функциональный вакуум.

Кланы также могут поддерживать режимы, когда они заключают неформальные пакты и таким образом стабилизируют отношения между различными группами. Баланс кланов – один из неформальных механизмов для обеспечения стабильности и поддержания состоятельности в странах ЦА. Тем не менее непрозрачность этого механизма приводит к тому, что кланы могут нарушить пакт и тем самым подорвать состоятельность государства. Таким образом, еще одним негативным влиянием клановой политики на состоятельность является «хрупкость» механизма, построенного на балансе интересов между различными кланами, так как в любой момент статус-кво может быть нарушен в силу изменений в экономической или политической конъюнктуре.

Как уже отмечалось выше, нормы клана требуют от членов высокого уровня лояльности; эти нормы конфликтуют с национальной идентичностью Вестфальского государства. Клановые используют

государства как источник для потребления ресурсов. Клановая структура антимеритократична в своей сущности: если представитель клана занимает должность в одном из формальных государственных институтов, он, как правило, использует его как возможность извлечения «ренты», например, продвигая своих близких из клана на другие должности в рамках данного института. Это приводит к несправедливому распределению общественных благ в государстве.

Как при демократических, так и при авторитарных режимах, если кланы превалируют над государственной бюрократией и извлекают «ренту» из бюджета, легитимность режима ослабляется, а как следствие – ослабляется состоятельность, поскольку легитимность – один из важнейших показателей состоятельности. Даже если в государстве существуют гражданские и политические свободы, клановая политика создает неформальные политические и экономические правила, которые, скорее всего, будут противоречить принципам плюрализма, равенства, представительства, транспарентности. Таким образом, клановая политика нарушает формальные гражданские и политические свободы и мешает консолидации как авторитарных, так и демократических режимов.

На основе анализа влияния кланов на состоятельность центральноазиатских государств можно сделать вывод, что клановая политика ослабляет их состоятельность и мешает консолидации данных режимов. Таким образом, для укрепления состоятельности данным государствам необходимо бороться с проявлениями клановой политики.

При построении модели взаимосвязи институтов и состоятельности уровень влияния кланов на состоятельность будет также учитываться.

Вторичная операционализация и построение математической модели состоятельности

Посредством компонентного анализа было выделено два подындекса состоятельности. Один из них связан со способностью государственных институтов выполнять такую функцию, как обеспечение населения общественными благами. При операционализации данной функции синтезированы наиболее валидные показатели из

эмпирических моделей качества институтов А. Вирмани, С. Саху и С. Танвара (Virmani *et al.* 2006); Р. Ла Порты, Ф. Лопез-де-Силанеса, А. Шляйфера и Р. Вишни (La Porta *et al.* 1999); Ф. Фукуямы (Fukuyama 2005: 58), а также сформулированы собственные показатели. Стоит отметить, что существует несколько срезов при определении термина *общественные блага*²⁰: в одном случае это полезные для общества товары и услуги, производство которых обеспечивается только государством; рыночный механизм не справляется с производством общественных благ, поскольку их особенности противоположны свойствам товаров индивидуального потребления. В другом случае общественные блага способны производить не только государство, но и другие акторы (частный бизнес, общественные организации и пр.). Для стран ЦА, где государство является ключевым игроком в политической и экономической сферах, производство общественных благ является в большей степени прерогативой государства, поэтому при описании процесса предоставления общественных благ в странах Центральной Азии в статье будет использоваться первое определение данного термина.

После первичной операционализации были выделены следующие показатели, отражающие способность государства к производству общественных благ: способность властных органов формулировать и внедрять стратегии для достижения целей в области здравоохранения, в сфере обеспечения внутренней и внешней безопасности, в сфере образования, в области развития инфраструктуры (дороги, мосты и пр.). Следующим шагом является вторичная операционализация данных параметров на основе синтеза вышеназванных эмпирических моделей, а также выработка авторских валидных показателей.

Одним из наиболее релевантных показателей среди общественных благ является способность государственных институтов формулировать и внедрять стратегии для достижения целей в области образования. При переходе от концептуального к операционально-

---

²⁰ Общественные блага – блага, которые являются неконкурентными и неисключаемыми в потреблении. Благо является неконкурентным, когда использование одной единицы блага одним пользователем не препятствует или не уменьшает возможностей его потребления другим. Неконкурентность означает, что альтернативные издержки предельного потребителя равны нулю. Неисключаемость собственности – это невозможность отстранения других от совместного потребления единицы блага.

му уровню анализа следующим этапом становится поиск релевантной статистики. Подобными показателями выступают «расходы бюджета на образование за год» и «уровень грамотности среди взрослого населения (% от людей старше 14 лет)» по данным Всемирного банка за 2010 г.²¹ Расходы бюджета на образование определяют интенсивность и срок реформы, поскольку являются ресурсным показателем, задающим рамки для «институциональных маневров» государства. Даже если страна сталкивается с некачественным образовательным менеджментом и другими проблемами, то большой бюджет, выделяемый на образование, способен покрыть все транзакционные издержки и успешно завершить реформу²². Уровень грамотности среди взрослого населения показывает, насколько эффективно государство предоставляет образовательные услуги в Центрально-Азиатском регионе. Если какой-то регион или группа людей оказываются за рамками распределения общественных благ в сфере образования, то это негативно отражается на общем уровне грамотности.

По уровню образования страны Центральной Азии всегда демонстрировали довольно высокие показатели, это во многом обусловлено наследием советской образовательной политики в данном регионе: Советский Союз фактически сформировал образовательную и научную инфраструктуру данных государств. После обретения независимости государства ЦА стали формировать и внедрять собственную стратегию в области образования, тем не менее влияние образовательной системы в советский период до сих пор де-факто определяет потенциал этих государств в данной сфере. По данным Всемирного банка за 2010 г., по показателю уровня грамотности среди взрослого населения (% от людей старше 14 лет), процент грамотных среди граждан стран ЦА составляет от 99 до 100: расхождения между странами являются минимальными. Лидером среди стран Центральной Азии является Казахстан (99,68 %), последнее место по данному показателю занимает Киргизия (99,24 %).

²¹ Данные по первому показателю имеются только по четырем странам, таким образом нельзя включить данный показатель в общую модель.

²² Стоит отметить, что данные параметры сходны с параметрами в эмпирических моделях А. Вирмани, С. Саху и С. Танвара (количество детей, обучающихся в школе, на тыс. человек и процент образованных людей на тыс. человек), а также Р. Ла Порты, Ф. Лопез-де-Силанеса, А. Шляйфера и Р. Вишни (показатель набора детей в школы и уровень грамотности среди населения).

Безусловным лидером по расходам на образование является Казахстан (\$5 819 862 796)²³. Узбекистан отстает по данному показателю в 1,6 раз, меньше всего на образование тратят Таджикистан и Кыргызстан. На основе анализа уровня предоставляемых образовательных общественных благ можно сделать вывод, что безусловным фаворитом среди стран ЦА является Казахстан. Кроме того, стоит отметить полярность показателей у Таджикистана: по показателю уровня грамотности среди взрослого населения (% от людей старше 14 лет) страна занимает второе место, в то время как по расходам на образование – последнее место (см. Табл. 1).

Другим значимым показателем производства общественных благ является способность властных органов формулировать и внедрять стратегии для достижения целей в области здравоохранения. Наиболее валидными показателями являются:

- 1) расходы бюджета на здравоохранение в расчете на человека;
- 2) уровень детской смертности (на тыс. рожденных детей);
- 3) продолжительность жизни (количество лет).

Наибольший бюджет на здравоохранение в расчете на человека в Казахстане – он составляет \$393 на человека, другие страны ЦА по данному показателю значительно отстают: в Туркменистане сумма практически в четыре раза меньше (\$106), Узбекистан на третьем месте в рейтинге, незначительно отставая от Туркменистана. Замыкают рейтинг Таджикистан и Кыргызстан: \$49 и \$53 соответственно. По данному показателю эти страны образуют кластер отстающих (отстают от лидера практически в 8 раз), что говорит о дифференцированности региона по расходам. По уровню детской смертности наилучшие показатели у Казахстана и Кыргызстана (по 26 и 28 смертей на тысячу человек). В значительной степени от лидеров отстают Узбекистан и Туркменистан (42 и 46), наихудший показатель у Таджикистана (55). По средней продолжительности жизни граждан государства ЦА демонстрируют примерно одинаковые результаты: в Кыргызстане – 69 лет, в Казахстане и Узбекистане – по 68. Наименьший показатель у Туркменистана (65 лет).

С точки зрения инфраструктурных общественных благ были отобраны такие валидные показатели, как улучшенные санитарные условия (% населения с доступом к ним); количество потребляемо-

---

²³ Расчет в долларах США за 2012 г.

го электричества на человека (кВт на человека)²⁴; длина железных дорог (количество километров); количество человек с доступом к Интернету (на 100 человек). Если данные показатели на низком уровне, то это говорит об одном: государственные институты неспособны обеспечить собственных граждан инфраструктурными общественными благами²⁵.

По количеству потребляемого электричества на человека лидирует Казахстан (4448,07 кВт на человека), меньше всего электричество тратят в Киргизии (1385,79). В 2010 г. в этой стране население стремилось экономить электричество из-за высоких тарифов, так как правительство не могло сдержать инфляцию, и следствием этого стал быстрый рост цен на электроэнергию. По показателям процента населения с доступом к улучшенным санитарным условиям лидирует Узбекистан, на втором и третьем местах Туркменистан и Казахстан – 98 и 97 соответственно²⁶. Аутсайдерами по данному показателю являются Кыргызстан и Таджикистан – 94 и 93 соответственно. По такому параметру, как длина железных дорог, абсолютным лидером является Казахстан (свыше 14 000 километров), Узбекистан, занявший второе место, отстает более чем в три раза (4227 километров), Туркменистан – 3115. Наименьшие показатели у Таджикистана и Кыргызстана – по 621 и 417 километров соответственно. По количеству пользователей с доступом к Интернету безусловным лидером является Казахстан – 31 пользователь на 100 человек. Примерно одинаковые показатели у Узбекистана и Кыргызстана (19 и 18). Наихудший уровень проникновения Интернета в Туркменистане – 3 пользователя на 100 человек.

²⁴ Кыргызстан и Таджикистан наименее преуспели в предоставлении общественных благ по обеспечению населения газом и электричеством, кроме того, эти страны неспособны контролировать открытую клановую коррупцию. С точки зрения данных показателей Узбекистан и Туркменистан продолжают обеспечивать общество благами на минимальном уровне.

²⁵ В модели А. Вирмани, С. Саху и С. Танвара выделяются инфраструктурные параметры: количество преступлений на тысячу человек; количество раскрытых дел, связанных с кражей собственности; длина дорог, покрытых асфальтом, на территорию площадью тыс. км; длина дорог, непокрытых асфальтом, на территорию площадью тыс. км. Однако статистики по странам ЦА не удалось найти.

²⁶ Данные за 2010 г., представленные на сайте Всемирного банка. См., например: World Bank 2012.

Табл. 1. Показатели по общественным благам в странах Центральной Азии (абсолютные показатели)

Название страны	Таджикистан	Узбекистан	Туркмения	Киргизия	Казахстан
Расходы бюджета на здравоохранение на человека (расчет в долл. США за 2012 г.)	49,07	82,43	106,08	73,48	393,1
Уровень детской смертности (на тыс. рожденных детей)	54,8	42,3	45,7	27,9	25,8
Продолжительность жизни (количество лет)	67,26	68	64,86	69,37	68,3
Уровень грамотности среди взрослого населения (% от людей старше 14 лет)	99,67	99,34	99,56	99,24	99,68
Длина железных дорог (количество километров)	621	4227	3115	417	14202
Количество потребляемого электричества на человека (кВт на человека)	1985,29	1635,93	2445,94	1385,79	4448,07
Количество человек с доступом к Интернету (на 100 человек)	11,55	19,22	3	18,02	31,03

Следующим этапом стала процедура сведения абсолютных значений в коэффициенты (см. Табл. 2). Например, из каждого значения по показателю «Количество потребляемого электричества» вычитали наименьшее значение (4448,074348 – 1385,792837). Их разность делилась на разность максимального и минимального значения по параметру. Таким образом, по первому показателю (количество потребляемого электричества) у Кыргызстана коэффициент равняется нулю. Та же модель вычисления применена ко всем странам по всем параметрам. Это позволяет свести к общему знаменателю различные показатели и ранжировать страны по коэффициентам.

После вычисления среднего арифметического по всем показателям были получены индексы общественных благ по каждой из центральноазиатских стран. Наиболее высокий показатель предоставления общественных благ населению в Казахстане, на втором месте – Узбекистан. На третьем и четвертом местах рейтинга – Туркменистан и Кыргызстан, замыкает рейтинг Таджикистан (см. Рис. 1 на с. 283).

Табл. 2. Коэффициенты общественных благ в странах Центральной Азии

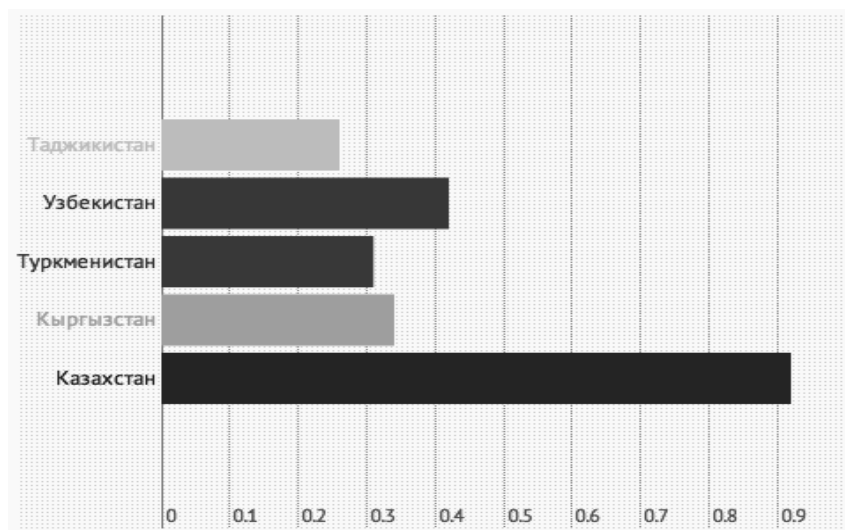
Название страны	Таджикистан	Узбекистан	Туркмениция	Киргизия	Казахстан
1	2	3	4	5	6
Расходы бюджета на здравоохранение на человека (расчет в долл. США за 2012 г.)	0	0,1	0,16	0,08	1
Уровень детской смертности (на тыс. рожденных детей)	0	0,43	0,31	0,92	1
Продолжительность жизни (количество лет)	0,53	0,69	0	1	0,76
Уровень грамотности среди взрослого населения (% от людей старше 14 лет)	0,99	0,22	0,72	0	1
Длина железных дорог (количество километров)	0,01	0,27	0,2	0	1
Количество потребляемого электричества на человека (кВт на человека)	0,2	0,08	0,35	0	1

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
Количество человек с доступом к Интернету (на 100 человек)	0,31	0,58	0	0,54	1
Улучшенные санитарные условия (% населения с доступом)	0	1	0,71	0,14	0,57
Среднее арифметическое	0,26	0,42	0,31	0,34	0,92

На основе обработки данных по способности государственных институтов предоставлять общественные блага будут обозначены наиболее значимые моменты. Во-первых, при сборе статистики наблюдается нехватка «свежих» данных за 2011 или 2012 гг. Наиболее полную картину по странам ЦА по показателям, связанным с производством общественных благ, удастся найти главным образом за 2010 г. (например, статистика Всемирного банка запаздывает в среднем на год или на два по большинству показателей). Это налагает отпечаток на временные рамки интерпретации полученных данных: в статье состоятельность стран ЦА анализируется за период с 2010 по 2011 гг. Другим значимым ограничением является отсутствие статистики по ряду стран: зачастую статистика по отдельным параметрам отсутствует по Туркменистану и Таджикистану (наибольшее количество показателей можно найти по Казахстану). Это приводит к тому, что если хотя бы у одной страны ЦА нет статистики по какому-то показателю, то этот показатель убирается из общей модели.

Рис. 1. Сравнительный график по уровню предоставления общественных благ в странах Центральной Азии

С точки зрения интерпретации полученных результатов стоит отметить лидерство Казахстана по большинству анализируемых показателей способности институтов предоставлять общественные блага: по шести показателям из восьми лидирует Казахстан. Наиболее слабым показателем являются улучшенные санитарные условия: Казахстан здесь на третьем месте. Общий коэффициент общественных благ по данной стране составляет 0,92, что более чем в два раза превышает показатель Узбекистана (0,42), занявшего второе место в рейтинге. Примерно одинаковые показатели у Кыргызстана и Туркменистана: 0,34 и 0,31 соответственно. Киргизия – безусловный лидер по продолжительности жизни граждан, также демонстрирует довольно низкий уровень детской смертности. Туркменистан, в свою очередь, занимает неплохие позиции по уровню грамотности среди населения и санитарным условиям. Замыкает рейтинг способности государственных институтов обеспечивать население общественными благами Таджикистан: ни по одному из показателей данная страна не является лидером (исключение составляет уровень грамотности среди взрослого населения).

Анализ сильных и слабых сторон состоятельности по второй группе параметров на лепестковых диаграммах (см. Прил. 2) показывает, что наиболее уязвимыми местами в состоятельности Таджикистана являются протяженность железных дорог, санитарные условия, расходы бюджета на образование, уровень детской смертности. Остальные показатели также находятся на довольно низком уровне, за исключением уровня грамотности среди населения и продолжительности жизни. Узбекистан, в отличие от Таджикистана, продемонстрировал довольно неплохие результаты: ни по одному показателю данная страна не получила коэффициент, равный нулю. Наиболее сильные показатели – улучшенные санитарные условия (1), продолжительность жизни (0,53), количество человек с доступом к Интернету (0,58). Наиболее слабые показатели – расходы бюджета на здравоохранение (0,1), количество потребляемого электричества на человека; довольно низкие показатели – длина железных дорог (0,27), уровень грамотности среди взрослого населения (0,22). Среди стран ЦА стоит выделить лепестковую диаграмму по Туркменистану: показатели состоятельности на диаграмме фактически симметричны (Рис. 2.8). На диаграмме состоятельности Кыргызстана (Рис. 2.4) видно, что показатели явно не сбалансированы: довольно высокая продолжительность жизни и низкий уровень детской смертности сопровождаются низкими данными по другим показателям. Наиболее высокие показатели продемонстрировал Казахстан: по шести из восьми показателей страна лидирует, немного отставая по продолжительности жизни среди населения и санитарным условиям.

Как уже отмечалось выше, при операционализации состоятельности можно выделить две группы параметров: показатели, связанные со способностью государственных институтов обеспечивать население общественными благами, и показатели, связанные с поддержкой государственной власти в рамках определенной территории или с внутренним и внешним суверенитетом. К функциям *status-introrsus* можно отнести: релевантность гражданства для населения; вероятность сецессии; легитимность органов власти среди населения; вероятность гражданской войны²⁷; активность экстре-

²⁷ Одной из наиболее важных составляющих состоятельности является наличие конфликтов на территории государства. Повышенный уровень конфликтогенности ослабляет состоятельность государства. С точки зрения данного фактора состоятельность государств Цен-

мистских организаций (локальных, региональных и международных) в регионе; наличие внешней угрозы со стороны другого государства; лояльность населения к государственным институтам; конфликты по поводу нерешенных территориальных споров с другими государствами²⁸.

Если в основе первой группы показателей состоятельности лежали статистические данные по странам ЦА, полученные из открытых источников, то в рамках операционализации второй группы показателей проводились экспертные опросы. Экспертам было предложено оценить страны Центральной Азии по восьми показателям по четырехбалльной шкале (см. Прил. 1), а также оценить

тральной Азии под угрозой, поскольку данная территория – зона постоянных конфликтов. Ослабление советской власти в конце 80-х гг. XX в. привело к резкому повышению уровня конфликтности в регионе. Основными очагами нестабильности стали Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан. Причины конфликтов: незавершенность демаркации границ и этническая фрагментарность, массовая бедность, высокий уровень безработицы и пр. Анализ данных конфликтов показал, что в их основе лежит не одна причина: в них переплетаются этнические и социально-экономические противоречия. Например, в основе Ошского конфликта между киргизами и узбеками лежали отчетливо выраженные социально-экономические и этнические причины. Перманентный кризис политического режима в Кыргызстане, а также межэтнические столкновения в Ошской области в 2010 г. позволяют сделать вывод о нестабильности данного региона. В Казахстане, Узбекистане и Таджикистане межэтнические конфликты были в основном в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в 2000-х гг. количество конфликтов значительно снизилось. Наименьшее количество конфликтов зарегистрировано в Туркменистане. Наличие конфликтов в Центральной Азии мешает не только интеграционным процессам между странами, но и консолидации внутри государств. Кроме того, конфликты могут привести к потере контроля центральной власти над частью территории, что фактически означает отсутствие внутреннего суверенитета, то есть монопольного правоприменения на всей территории. Таким образом, наличие серьезного конфликта ставит под угрозу состоятельность государства.

²⁸ Формулировка «релевантность гражданства для населения» означает, что жители той или иной страны по-разному воспринимают наличие у них гражданства страны, в которой они проживают: для некоторых оно важно, другие же индифферентно относятся к своему гражданству. Если население высоко ценит наличие у них гражданства конкретной страны, то это положительно влияет на уровень ее состоятельности. Показатель «вероятность сепарации» рассматривается в среднесрочной перспективе от одного года до пяти лет. В рамках оценки данного показателя по странам ЦА экспертам предлагается шкалировать страны по такому риску, как отделение от страны части территории. Параметр «легитимность органов власти среди населения» означает степень поддержки населением скорее государственных институтов, нежели персонифицированного режима. Вероятность гражданской войны рассматривается в среднесрочной перспективе – от одного года до пяти лет. Активность экстремистских организаций (локальных, региональных и международных) также влияет на государственную состоятельность. Экспертам предложено было оценить их активность на нескольких уровнях, поскольку в странах ЦА большое разнообразие экстремистских организаций, так или иначе подрывающих состоятельность данных стран.

вес каждого показателя. Индекс состоятельности по второй группе показателей мы будем высчитывать по следующей формуле:

$$ИС = \sum E_{(ki)} \cdot W_{(i)},$$

где $E_{(ki)}$ – рейтинговая оценка k -го объекта по i -му блоку показателей; $W_{(i)}$ – весовой коэффициент i -го блока показателей состоятельности²⁹.

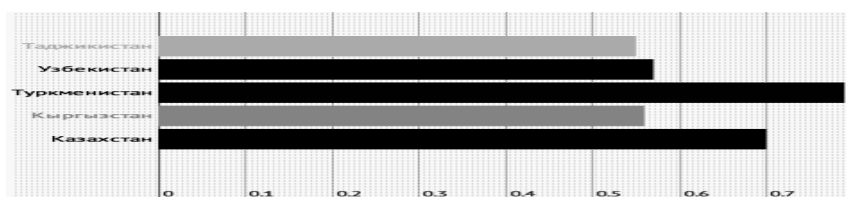
После сбора ответов экспертов наступает этап обработки данных. По каждому эксперту были составлены таблицы с ответами по восьми показателям по пяти странам, а также оценки весов каждого из показателей³⁰. Затем по рейтинговым оценкам было получено среднее арифметическое, которое перемножается с весами по каждому из восьми показателей. Если расписать формулу ($ИС = \sum E_{(ki)} \cdot W_{(i)}$) более подробно, то она выглядит следующим образом: $IS_{(Index\ of\ stateness)} = (R_{(i)}W_{(1)} + PS_{(i)}W_{(2)} + Leg_{(i)}W_{(3)} + PCW_{(i)}W_{(4)} + AEO_{(i)}W_{(5)} + AEO_{(i)}W_{(6)} + AEO_{(i)}W_{(7)} + AEO_{(i)}W_{(8)})/100$ ³¹. Следующий шаг после получения произведения – это вычисление среднего арифметического по всем ответам экспертов по каждому из восьми параметров. Затем были просуммированы показатели по каждой стране, а результат поделен на 100. Таким образом, были получены индексы состоятельности по второй группе показателей внутреннего и внешнего суверенитета (см. Рис. 2).

²⁹ Градация весовых коэффициентов $W_{(i)}$ (см. Прил. 1):

- 4 – имеют очень высокую объяснительную силу;
- 3 – имеют среднюю объяснительную силу;
- 2 – имеют относительную объяснительную силу;
- 1 – не имеют объяснительной силы.

³⁰ См. пример в Табл. 1.1 в Прил. 1.

³¹ $R_{(i)}$ – рейтинговая оценка релевантности гражданства для населения (*relevance of citizenship*); $PS_{(i)}$ – рейтинговая оценка вероятности сепарации (*probability of secession*); $Leg_{(i)}$ – легитимность органов власти среди населения (*legitimacy*); $PCW_{(i)}$ – вероятность гражданской войны (*probability of civil war*); $AEO_{(i)}$ – активность экстремистских организаций (локальных, региональных и международных) в регионе (*activity of extremist organizations*); $ET_{(i)}$ – наличие внешней угрозы со стороны другого государства (*external threats*); $Loyl_{(i)}$ – лояльность населения к государственным институтам (*loyalty*); $TC_{(i)}$ – конфликты по поводу нерешенных территориальных споров с другими государствами (*territorial conflict*); W – весовой коэффициент соответствующего показателя.

Рис. 2. Сравнительный график внутреннего и внешнего суверенитета в странах Центральной Азии

На Рис. 2 отчетливо видно, что по второй группе показателей состоятельности лидирующее место занимает Туркменистан, его коэффициент составляет 0,79³². Второе место в рейтинге занимает Казахстан – 0,70. Примерно одинаковые показатели внутреннего и внешнего суверенитета продемонстрировали Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан – 0,55; 0,57 и 0,56 соответственно.

Кроме того, важно оценить каждую страну с точки зрения сильных и слабых сторон состоятельности, поэтому после обработки экспертных опросов были использованы лепестковые диаграммы. В диаграмме страны ЦА оцениваются по восьми параметрам по 14-балльной шкале. Стоит отметить, что высокий уровень того или иного показателя означает положительное влияние на состоятельность, низкий – отрицательное: в рамках экспертных вопросов все показатели были унифицированы, то есть если такой параметр, как вероятность сецессии, имеет высокий балл, это значит, что вероятность сецессии низкая.

На основе первичного анализа рисунков (см. Рис. 1 и 2) можно сделать вывод, что в Центральной Азии существует два паттерна состоятельности (здесь имеется в виду только вторая группа параметров состоятельности): первый включает в себя Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан³³, ко второму относятся Туркменистан и Казахстан. Первый паттерн отличается от второго выраженностью такого параметра, как «вероятность сецессии», то есть

³² См. Прил. 2, Табл. 2.

³³ Стоит отметить, что у Таджикистана оба показателя – «вероятность сецессии» и «вероятность гражданской войны» – примерно на одном уровне, однако отставание от Казахстана и Туркменистана по второму показателю позволяет относить с некоторыми оговорками Таджикистан к первому паттерну состоятельности.

у данных стран этот показатель лучше остальных, тогда как в рамках второго паттерна наиболее выраженным является показатель вероятности гражданской войны (то есть в данных странах наименее вероятен сценарий гражданской войны).

Уязвимыми местами в состоятельности Таджикистана являются: наличие угрозы со стороны другого государства, активность экстремистских организаций и территориальные конфликты (см. Рис. 2.1). Как отмечалось выше, вероятность сецессии и вероятность гражданской войны в Таджикистане низкая (по девять баллов); кроме того, сравнительно неплохие показатели – релевантность гражданства и легитимность органов власти (восемь баллов).

В Узбекистане также слабыми показателями являются: активность экстремистских организаций и территориальные конфликты, наиболее сильные стороны схожи с показателями Таджикистана (см. Рис. 2.2). Довольно неплохие цифры у Узбекистана по таким показателям, как «вероятность гражданской войны», «легитимность органов власти» и «релевантность гражданства» (они варьируются от восьми до девяти баллов). Хотя в Кыргызстане, в отличие от вышеназванных стран, активность экстремистских организаций не является наибольшей угрозой для состоятельности, сильные и слабые стороны состоятельности в данной стране схожи с показателями Узбекистана и Таджикистана (см. Рис. 2.4). Наиболее значимой для состоятельности Кыргызстана является наличие внешней угрозы. Помимо низкой вероятности сецессии, Кыргызстан демонстрирует довольно высокие показатели легитимности органов власти среди населения, а также вероятности гражданской войны. Лояльность к государственным институтам, территориальные конфликты, релевантность гражданства у Кыргызстана примерно на одинаковом уровне (шесть баллов).

Как уже отмечалось выше, второй паттерн состоятельности отличается от первого наименьшей вероятностью гражданской войны. Кроме того, стоит отметить, что второй паттерн отличается тем, что фактически по всем параметрам Туркменистан и Казахстан опережают страны первого паттерна. У данных стран наиболее низкими показателями являются такие, как «территориальные конфликты» и «наличие внешней угрозы со стороны другого государства» (см. Рис. 2.3 и 2.4). Стоит отметить, что в Туркменистане

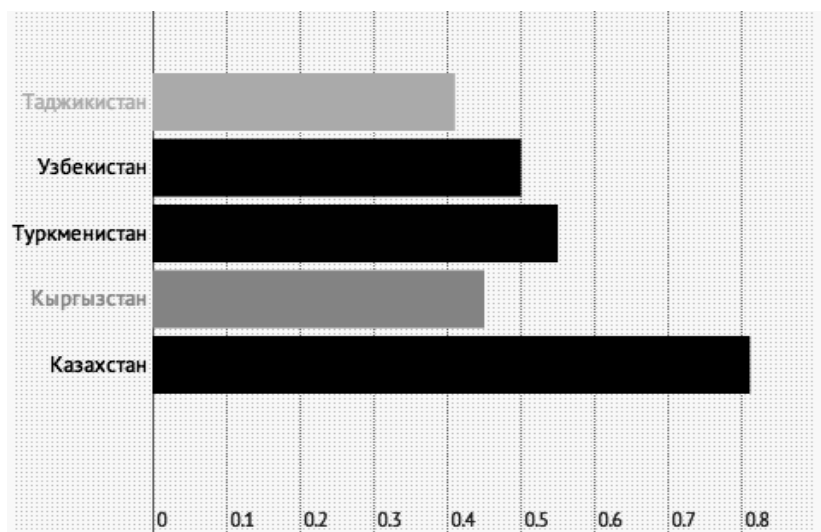
в отличие от Казахстана легитимность органов власти, а также релевантность гражданства среди населения выше, а активность экстремистских организаций ниже. Таким образом, как на Рис. 2, так и на лепестковых диаграммах видно, что лидером по показателям внутреннего и внешнего суверенитета среди стран Центральной Азии является Туркменистан.

Таким образом, получены индексы по двум группам состоятельности стран ЦА. Следующим этапом исследования является вычисление интегрального индекса состоятельности, а также его интерпретация. Общие данные по группам показателей были сведены в единую таблицу (см. Табл. 3), интегральный индекс был получен путем вычисления среднего арифметического от индексов общественных благ и от индексов внутреннего и внешнего суверенитета.

Табл. 3. Общая таблица состоятельности по странам Центральной Азии

Страны	Индексы общественных благ	Индексы внутреннего и внешнего суверенитета	Интегральный индекс состоятельности
Таджикистан	0,26	0,55	0,41
Узбекистан	0,42	0,57	0,5
Туркменистан	0,31	0,79	0,55
Кыргызстан	0,34	0,56	0,45
Казахстан	0,92	0,7	0,81

Рис. 3. Сравнительный график интегральных индексов состоятельности в странах Центральной Азии

* * *

На основе операционализации двух групп параметров состоятельности были получены и проанализированы индексы общественных благ и внутреннего и внешнего суверенитета по странам ЦА. Следующим шагом в исследовании стало построение интегрального индекса состоятельности посредством объединения двух компонентов состоятельности. Было выявлено, что страны Центральной Азии дифференцированы не только по уровню состоятельности в целом, но и по отдельным компонентам состоятельности. Итоговые рейтинги стран ЦА по показателям способности предоставлять общественные блага и способности обеспечивать внутренний и внешний суверенитет различаются. Неоднородность стран ЦА проявляется по-разному по двум группам параметров состоятельности. Если по показателям общественных благ наиболее высокие показатели продемонстрировал Казахстан (0,92), то по показателям внутреннего и внешнего суверенитета он занял второе место (0,70), уступив только Туркменистану (0,79). Таджикистан показал наиболее

слабые результаты в обеих группах показателей состоятельности: по показателям общественных благ (0,26) и суверенитету (0,55). Кыргызстан также не изменил своей позиции: в первой и во второй группах он занял третье место. Узбекистан в первой группе занимал второе место (0,42), а во второй – уже третье (0,57). Наиболее противоречивые результаты продемонстрировал Туркменистан: если по внутреннему и внешнему суверенитету страна заняла первое место, то по способности обеспечивать население общественными благами – лишь четвертое (0,31). Таким образом, мы можем сделать вывод, что по различным компонентам состоятельности центральноазиатские страны демонстрируют разные показатели. Тем не менее стоит отметить, что за исключением Туркменистана серьезных «скачков» в рейтинге нет. Другими словами, неоднородность в компонентах состоятельности не означает сильного разброса по странам ЦА: высокий уровень состоятельности по одной группе параметров означает, что в другой группе государство не будет среди аутсайдеров (см. Табл. 1.3 в Приложении 1). Рейтинги стран по двум компонентам состоятельности отличаются друг от друга. По индексу общественных благ (от наибольшего к наименьшему) рейтинг стран был следующим: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан; по индексу внутреннего и внешнего суверенитета: Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан. Это подтверждает тезис о неоднородности состоятельности стран ЦА на уровне компонентного анализа.

На основе анализа расстояния между двумя компонентами состоятельности можно сделать вывод, что у всех стран ЦА, кроме Казахстана, индексы внутреннего и внешнего суверенитета больше индекса общественных благ: в Казахстане первый индекс на 0,22 больше второго (0,92 против 0,7). Напротив, в Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане и Кыргызстане индексы общественных благ меньше индекса суверенитета в среднем на 0,28. Можно выделить четыре кластера стран по разнице между компонентами: наибольшее расстояние демонстрирует Туркменистан (0,48); на втором месте Таджикистан (0,29); к третьему кластеру можно отнести Кыргызстан и Казахстан (0,22 и 0,22 соответственно); наи-

меньшее расстояние между компонентами состоятельности демонстрирует Узбекистан. Хотя государства ЦА неоднородны по компонентам состоятельности, тем не менее на основе детального анализа расстояний между показателями можно сделать вывод, что страны неоднородны в разной степени: можно выделить страны более однородные (см. Табл. 1.3). Например, наиболее неоднородными странами с точки зрения состоятельности являются Туркменистан и Таджикистан, наиболее однородной – Узбекистан. Довольно большой разброс между показателями у Кыргызстана и Казахстана. Для того, чтобы укреплять состоятельность в данных странах, необходимо уделять равноценное внимание как общественным благам, так и внутреннему и внешнему суверенитету. Кроме того, в рамках каждой из групп особое внимание необходимо уделять наиболее слабым показателям на лепестковых диаграммах. С точки зрения анализа параметров внутреннего и внешнего суверенитета стран ЦА наиболее проблемными являются следующие показатели: конфликты по поводу нерешенных территориальных споров, наличие внешней угрозы со стороны другого государства, также довольно низкие показатели – активность экстремистских организаций и лояльность населения к государственным институтам. В статье удалось выделить два паттерна состоятельности на основе анализа лепестковых диаграмм: к первой группе относятся Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, ко второй – Казахстан и Туркменистан. Первый паттерн отличается от второго выраженностью такого параметра, как вероятность сецессии, то есть у данных стран этот показатель выше остальных, тогда как в рамках второго паттерна наиболее выраженным является показатель «вероятность гражданской войны» (в данных странах наименее вероятен сценарий гражданской войны).

Развитие способности государственных институтов обеспечивать население общественными благами в странах Центральной Азии может выступать в роли средства воздействия на их состоятельность и создавать условия для ее повышения. В начале статьи было обозначено, что структура состоятельности состоит из трех

аспектов (административная, политическая и техническая)³⁴. Способность государственных институтов предоставлять общественные блага – это одна из наиболее важных функций государства, относящаяся к административной состоятельности. Эффективное выполнение данной функции позволяет создавать необходимые условия для экономического развития и социального благосостояния в государстве: общественные блага создают необходимую инфраструктуру для этих целей. Таким образом, развитие способности обеспечивать население общественными благами не только может выступать, но и выступает в случае со странами ЦА в роли средства воздействия на состоятельность за счет создания условий для повышения ее уровня.

Еще одним значимым выводом является тезис о том, что страны ЦА по уровню состоятельности можно ранжировать по трем группам. К первой группе стран относится Казахстан; ко второй – Туркменистан, Узбекистан и Кыргызстан; к третьей – Таджикистан. По уровню состоятельности страны ЦА дифференцированы: разброс между странами большой. Наиболее высокий уровень состоятельности, согласно проведенному исследованию, у Казахстана: индекс составляет 0,81. Сходные показатели у Туркменистана и Узбекистана – 0,55 и 0,50 соответственно. Наихудшие показатели состоятельности у Кыргызстана и Таджикистана – 0,45 и 0,41 соот-

---

³⁴ Аспекты состоятельности:

- 1) административная состоятельность – регулирующая способность государственных институтов, способность эффективно выполнять административные функции, которые необходимы для экономического развития и социального благосостояния;
- 2) политическая состоятельность – способность институтов обеспечивать легитимность действиям как внутри государства, так и на международном уровне (функция обеспечения внутреннего и внешнего суверенитета). Другими словами, это способность к построению эффективных и легитимных каналов для удовлетворения запросов общества, представительства и разрешения конфликтов. Политической состоятельности соответствует вторая группа параметров – способность государства поддерживать внутренний и внешний суверенитет;
- 3) техническая состоятельность – способность формулировать и управлять макроэкономическими и политическими курсами.

Если административная функция заключается в создании условий для экономического развития и социального благосостояния в государстве, то техническая состоятельность – это управление макроэкономическими и политическими курсами, то есть административная состоятельность – умение создавать условия для работы системы, а техническая состоятельность – это умение управлять работой системы.

ветственно (см. Табл. 1.3). Кыргызстан был отнесен к третьему кластеру, так как расстояние между ним и Таджикистаном по интегральному индексу состоятельности составляет всего лишь 0,03, тогда как с Узбекистаном, занимающим третье место, – 0,05. Второй тезис о большом расстоянии между интегральными индексами также подтвердился отчасти: наибольшее расстояние между Казахстаном с одной стороны и другими странами ЦА – с другой. Отрыв от ближайших преследователей значительный, он составляет почти 0,3. Расстояние между остальными четырьмя странами не такое значительное.

Приложение 1

Табл. 1.1. Пример рейтинговой оценки экспертами состоятельности стран ЦА

Показатели	Таджикистан	Узбекистан	Туркменистан	Кыргызстан	Казахстан	Среднее арифметическое	Веса показателей
1	2	3	4	5	6	7	8
Релевантность гражданства для населения	2,4	3	3	1	3	2,48	3
Вероятность сецессии	3	3	3	3	3	3	4
Легитимность органов власти среди населения	2,2	2	3	1	3	2,24	3
Вероятность гражданской войны	2	2	3	1	3	2,2	4
Активность экстремистских организаций (локальных, региональных и международных) в регионе	1,8	1	4	1	2	1,96	2

Окончание табл. 1.1

1	2	3	4	5	6	7	8
Наличие внешней угрозы со стороны другого государства	2	2	2	2	2	2	1
Лояльность населения к государственным институтам	2,2	2	3	1	3	2,24	2
Конфликты по поводу нерешенных территориальных споров с другими государствами	3	3	3	3	3	3	2

Табл. 1.2. Индексы состоятельности по странам ЦА

Страны	Общий индекс
Таджикистан	0,55
Узбекистан	0,57
Туркменистан	0,79
Кыргызстан	0,56
Казахстан	0,7

Табл. 1.3. Индексы состоятельности по странам ЦА: расстояние между индексами

Страны	Индексы общественных благ	Индексы внутреннего и внешнего суверенитета	Расстояние между показателями
Таджикистан	0,26	0,55	-0,29
Узбекистан	0,42	0,57	-0,15
Туркменистан	0,31	0,79	-0,48
Кыргызстан	0,34	0,56	-0,22
Казахстан	0,92	0,7	0,22

Приложение 2

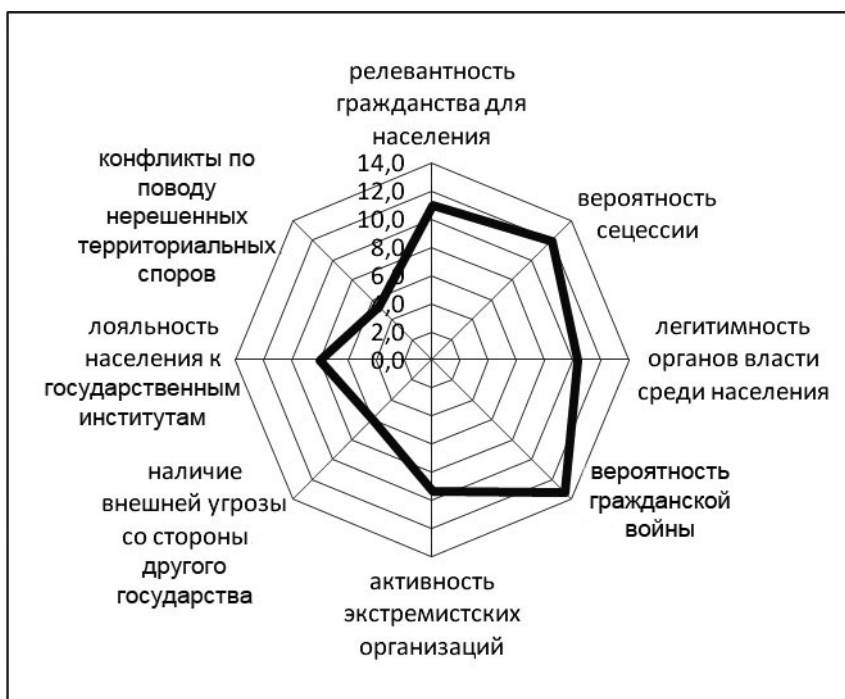

Рис. 2.1. Лепестковая диаграмма состоятельности Таджикистана: внутренний и внешний суверенитет

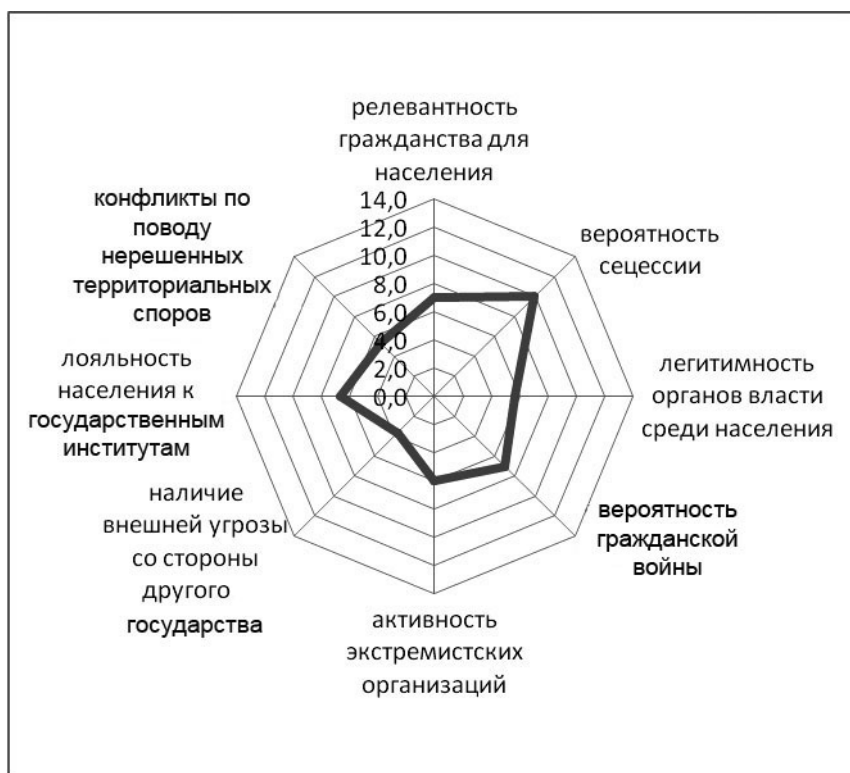

Рис. 2.2. Лепестковая диаграмма состоятельности Узбекистана: внутренний и внешний суверенитет

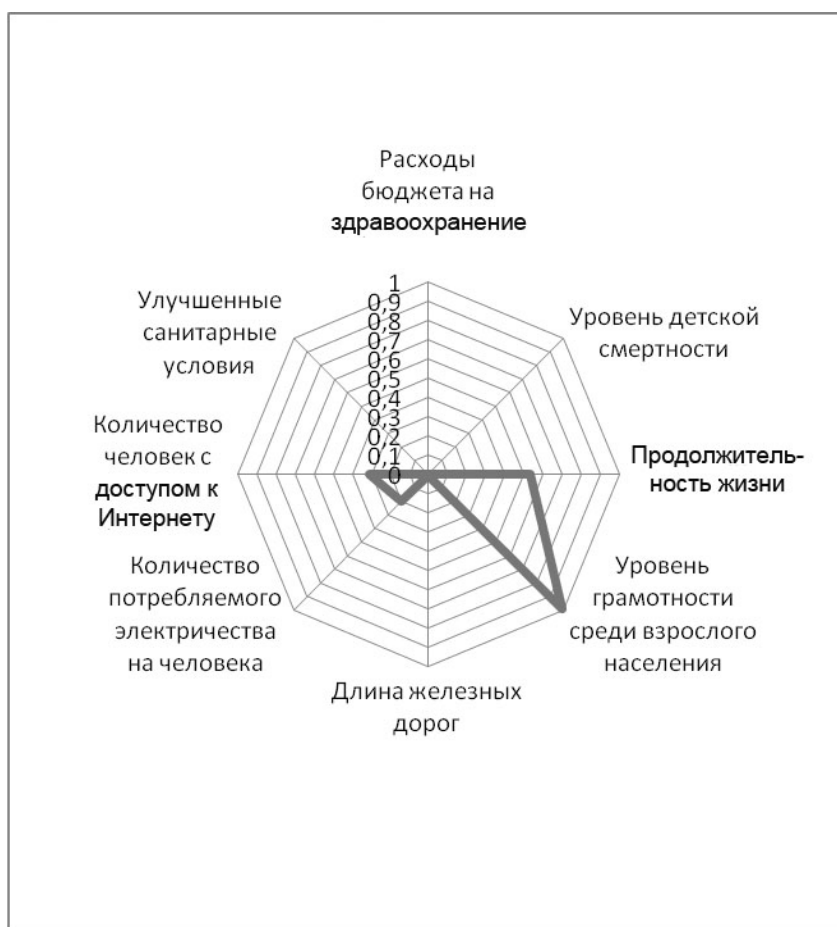
Рис. 2.3. Лепестковая диаграмма состоятельности Туркменистана: внутренний и внешний суверенитет

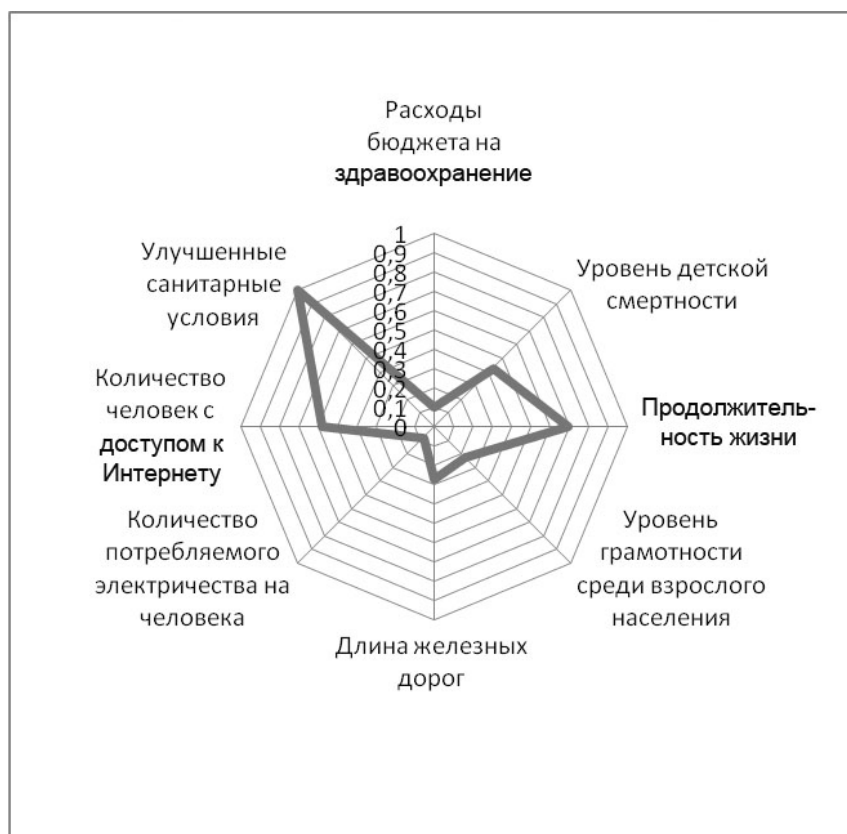
Рис. 2.4. Лепестковая диаграмма состоятельности Кыргызстана: внутренний и внешний суверенитет

Рис. 2.5. Лепестковая диаграмма состоятельности Казахстана: внутренний и внешний суверенитет

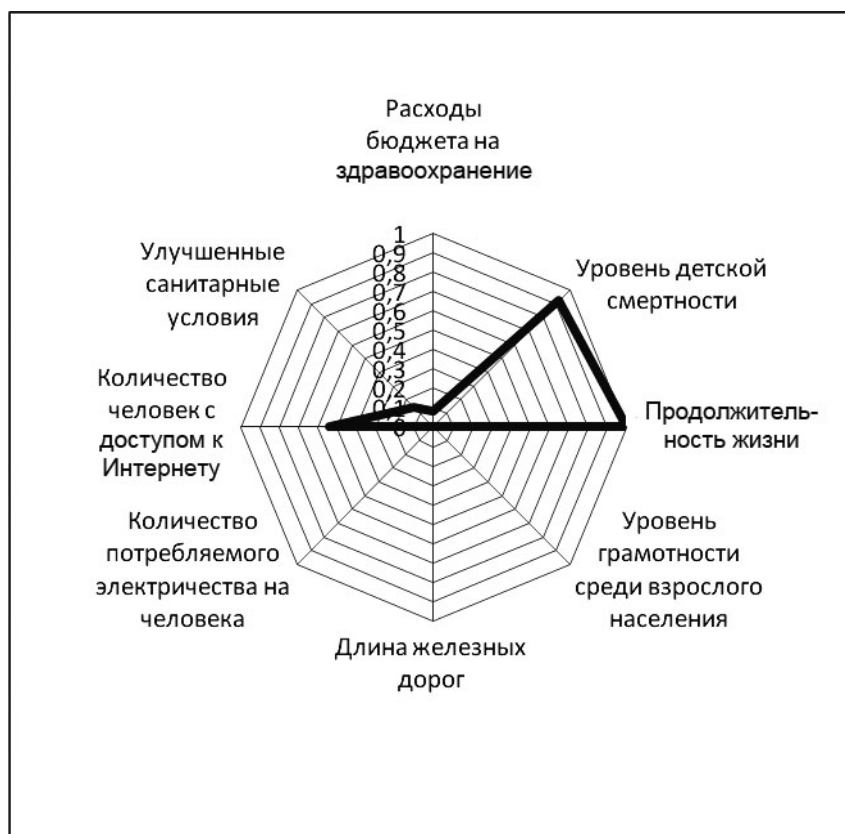
Рис. 2.6. Лепестковая диаграмма состоятельности Таджикистана: общественные блага

Рис. 2.7. Лепестковая диаграмма состоятельности Узбекистана: общественные блага

Рис. 2.8. Лепестковая диаграмма состоятельности Туркменистана: общественные блага

Рис. 2.9. Лепестковая диаграмма состоятельности Кыргызстана: общественные блага

Приложение 3

Рис. 3.1. Лепестковая диаграмма состоятельности Казахстана: общественные блага

Библиография

- Акаева Б. А., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013.** (Ред.). *Центральная Азия: новые вызовы*. М.: ЛЕНАНД/URSS.
- Бобохонов Р. 2010.** Эволюция этно-региональных кланов в Таджикистане (XX в.). *Central Eurasia.com*. URL: <http://www.central-eurasia.com/tajikistan/articles/?uid=498> (дата доступа: 09.02.2013).
- Николаев Н. 2006.** Что такое туркменские кланы сегодня и как они борются за власть. *Фергана.Ру*. URL: <http://www.fergananews.com/articles/4818> (дата доступа: 09.02.2013).
- Ракымбай Н. 2005.** Кыргызские политические кланы. *ЦентрАзия* 32(254).
- Таксанов А. 2002.** Кланов и коррупция в Узбекистане. *Зона KZ*. URL: <http://www.zonakz.net/articles/1119> (дата доступа: 03.02.2013).
- Atkin M. 2002.** Tajikistan: a President and His Rivals. *Power and Change in Central Asia* / Ed. by S. N. Cummings. London: Routledge. Pp. 97–114.
- Burnell P. 2006.** Autocratic Opening to Democracy: Why Legitimacy Matters. *Third World Quarterly* 27(4): 545–562.
- Collins K. 2006.** *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cummings S. 2002.** Kazakhstan: an Uneasy Relationship – Power and Authority in the Nazarbaev Regime. *Power and Change in Central Asia* / Ed. by S. N. Cummings. London: Routledge. Pp. 59–73.
- Elkins Z., Sides J. 2008.** *Seeking Stateness*. Seattle: University of Washington Press.
- Foroughi P. 2009.** *Tajikistan*. New York: Freedom House.
- Franke A. 2009.** Kazakhstan and Azerbaijan as Post-Soviet Rentier States: Resource Incomes and Autocracy as a Double “Curse” in Post-Soviet Regimes. *Europe Asia Studies* 61(1).
- Frye T. 1997.** Politics of Institutional Choice. *Comparative Political Studies* 30(5): 523–552.
- Fukuyama F. 2005.** The Missing Dimension of Stateness. *State Building Governance and World Order in the Twenty-First Century*. London: Profile Books.
- Gawrich A., Melnykovska I., Schweickert R. 2010.** *More than Oil and Geography – Neopatrimonialism as an Explanation of Bad Governance and Autocratic Stability in Central Asia*. Paper to be presented at the workshop “Neopatrimonialism in Various World Regions”. Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies.
- Gibson J. 2001.** Social Networks, Civil Society, and the Prospects for Consolidating Russia’s Democratic Transition. *American Journal of Political Science* 45(1).
- Grindle M. 1996.** *Challenging the State: Crisis and Innovation in Latin America and Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heinemann-Grüder A., Haberstock H. 2007.** Sultan, Klan und Patronage. Regime Dilemmata in Zentralasien, Osteuropa. *GESIS* 57(8–9).
- Hirschman A. 1970.** *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Huskey E. 2002.** An Economy of Authoritarianism? Askar Akaev and Presidential Leadership in Kyrgyzstan. *Power and Change in Central Asia*. London: Routledge.

- Ilkhamov A. 2007.** Neopatrimonialism, Interest Groups and Patronage Networks: the Impasses of the Governance System in Uzbekistan. *Central Asian Survey* 26.
- Ilyin M., Khavenson T., Meleshkina E., Stukal D., Zharikova E. 2012.** *Factors of Post-socialist Stateness*. Working papers by NRU Higher School of Economics. Moscow. URL: <http://www.hse.ru/data/2012/03/07/1266507104/03PS12.pdf>.
- Kangas R. 2002.** Uzbekistan: the Karimov Presidency – Amir Timur Revisited. *Power and Change in Central Asia*. London: Routledge. Pp. 130–149.
- Kjær M., Hansen O., Thomsen J. 2002.** Demstar, Democracy, the State, and Administrative Reforms, Conceptualizing State Capacity. *Research Report. University of Aarhus* 6.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. 1999.** *Quality of Governance*. Oxford: Oxford University Press.
- Roland G. 2006.** After Enlargement: Institutional Achievements and Prospects in the New Member States. *The New EU Member States – Convergence and Stability* / Ed. by C. Detken, V. Gaspar, G. Noblet. Frankfurt: European Central Bank. Pp. 3–60.
- Shryock A. 1997.** *Nationalism and the Genealogical Imagination*. Berkeley: University of California Press.
- Spechler M. 2006.** Authoritarian Politics and Economic Reform in Uzbekistan: Past, Present and Prospects. *Central Asian Survey* 26(2).
- Virmani A., Sahu S., Tanwar S. 2006.** *Governance in the Provision of Public Goods in South Asia*. New Delhi: Indian Council for Research on International Economic Relations.
- Weber M., Winckelmann J. 1980.** *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Williamson O. 1998a.** Transaction Cost Economics: How it Works; Whereit is Headed. *De Economist* 146(1).
- Williamson O. 1998b.** *The Economic Institutions of Capitalism*. New York: Free Press.
- World Bank. 2012.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.